

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

THE HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL DISCOVERIES AND RESEARCH

Научная статья / Research Article

УДК 903.53(571.151)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(1\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(1).-12)

EDN: AZEOFO

К 70-ЛЕТИЮ НАЧАЛА РАСКОПОК БОЛЬШИХ КУРГАНОВ В САЛБЫКЕ И ТУЭКТЕ НА САЯНО-АЛТАЕ

Леонид Сергеевич Марсадолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия,
marsadolov@hermitage.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>

Резюме. В 1954 г. в двух южно-сибирских регионах начались масштабные раскопки больших курганов археологическими экспедициями под руководством С.И. Руденко и С.В. Киселева. Автор этой статьи с одинаковым глубоким уважением относится к научным работам этих выдающихся российских археологов. В статье рассмотрена история экспедиционных работ и научных исследований двух археологов в 1954–1962 гг., принадлежавших к различным научным школам, разного возраста и живших в разных городах. При раскопках Большого Салбыкского кургана в Хакасии С.В. Киселев больше внимания уделил изучению наземной конструкции этого объекта, но не успел полностью опубликовать результаты своих работ. С.И. Руденко лишь частично раскопал каменные насыпи большого и среднего Туэктинских курганов, но основное внимание уделил погребальной камере и находкам предметов, а также полностью опубликовал результаты своих исследований. У каждого из этих археологов были свои достижения, их открытия и находки вошли в фонды науки, музеев и археологической литературы.

Ключевые слова: С.И. Руденко, С.В. Киселев, Алтай, Хакасия, Туэкта, Салбык, Пазырык, археология, хронология

Для цитирования: Марсадолов Л.С. К 70-летию начала раскопок больших курганов в Салбыке и Туэкте на Саяно-Алтае // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, №1. С. 224–241. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(1\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(1).-12)

70 YEARS SINCE THE BEGINNING OF EXCAVATION OF GREAT BARROWS IN SALBYK AND TUEKTA ON SAYAN-ALTAI

Leonid S. Marsadolov

The State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia
marsadolov@hermitage.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>

Abstract. In 1954, large-scale excavations of large barrows by archaeological expeditions led by S.I. Rudenko and S.V. Kiselev began in two South Siberian regions. The author of this article has the same deep respect for the scientific works of these outstanding Russian archaeologists. The article considers the history of expeditionary work and scientific research of the two archaeologists in 1954–1962, who belonged to two different scientific schools, different in age and living in different cities. During excavations of the Big Salbyk barrow in Khakassia, S.V. Kiselev paid more attention to studying the ground structure of this object but did not have time to fully publish the results of his work. S.I. Rudenko only partially excavated the stone embankments of the large and middle Tuekta barrows, but paid the main attention to the burial chamber and finds of objects, and also fully published the results of his research. Each of these archaeologists had their own achievements, their discoveries and finds were included in the funds of science, museums and archaeological literature.

Keywords: S.I. Rudenko, S.V. Kiselev, Altai, Khakassia, Tuekta, Salbyk, Pazyryk, archaeology, chronology

For citation: Marsadolov L.S. 70 Years Since the Beginning of Excavation of Great Barrows in Salbyk and Tuekta on Sayan-Altai. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2024;36(1):224–241. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(1\)-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(1)-12)

Введение

Вначале кратко рассмотрим хорошо изученные биографии двух выдающихся ученых, их научный и социальный статус к началу 1954 г.

Сергей Иванович Руденко (1885–1969) — этнограф, антрополог, археолог, гидролог, профессор (1919, 1950); проводил самостоятельные научные исследования еще в дореволюционные годы и отличался широкими научными взглядами по многим проблемам — от палеолита до этнографии. В 1920 г. С.И. Руденко раскапывал малые тагарские курганы на Енисее, а с 1924 по 1954 г. (с перерывами) изучал курганы на Алтае. В 1930-е гг. он находился в заключении по «делу историков», занимался гидрологией на Беломорско-Балтийском канале, освобожден в 1942 г., а в 1944 г. ему было присвоено звание доктора технических наук. С 1942 г. работал в ИИМК АН СССР в Ленинграде и был заведующим лабораторией археологической технологии ИИМК в 1953–1967 гг.

С.И. Руденко в 1924 г. во время работ на Алтае обнаружил группу больших курганов в Пазырыке и в 1929 г. его экспедиция раскопала один курган совместно с М.П. Грязновым. В 1947–1949 гг. экспедиция С.И. Руденко продолжила изучение еще четырех больших и трех малых курганов в Пазырыке. В 1953 г. (через четыре года после раскопок) были полностью опубликованы обширные материалы из всех курганов в Пазырыке (Руденко, 1953; Марсадолов, 1996; Тишкин, 2007; и др.). В 1950 г. С.И. Руденко раскопал два кургана в урочище Башадар на Алтае, а в 1952 г. выпустил небольшую научно-популярную книгу об исследованиях в Пазырыке и Башадаре. Ни в одной статье и книге С.И. Руденко до 1952 г. нет критики работ С.В. Киселева.

Сергей Владимирович Киселев (1905–1962) — археолог и историк, специалист по древней и средневековой истории Южной Сибири и Центральной Азии. С 1928 г. он руководил археологическими экспедициями в различных районах Хакасии, Алтая, Тувы, Забайкалья, Казахстана и Монголии. В связи со строительством Чуйского тракта экспедиция С.В. Киселева и Л. А. Евтюховой в 1934–1937 гг. обследовала разные районы Алтая и раскопала ряд малых и средних курганов различных эпох, в том числе и скифского времени около поселка Туэкта/Туяхта (Киселев, 1949; 1951; Марсадолов, 1996; Тишкин, 2007; и др.).

К 1954 г. С.В. Киселев — доктор исторических наук (1946), заместитель директора ИИМК АН СССР в Москве (1945–1951), заведующий сектором неолита и бронзы ИИМК (1951–1962), профессор МГУ (1947), главный редактор «Вестника древней истории» АН СССР (1949–1962), лауреат премии имени М.В. Ломоносова (1947) и Сталинской премии (1950). С 1950 по 1954 г. он занимал должность ученого секретаря Президиума АН СССР, а в 1953 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР.

К 1954 г. С.И. Руденко исполнилось 69 лет, а С.В. Киселеву — 49; научное положение этих известных исследователей также было неодинаковым — член-корреспондент АН СССР С.В. Киселев в столице и доктор технических наук, бывший заключенный С.И. Руденко в Ленинграде.

Хронологические аспекты абсолютного датирования больших курганов Алтая

После исследований В. В. Радловым в 1865 г. больших курганов в Берели и Катанде на Алтае и начала новых работ экспедиции знаменитого путешественника П.К. Козлова на Ноин-Улинских курганах в Монголии в 1923–1926 гг. (при участии С. А. Кондратьева, С. А. Теплоухова, Г.И. Боровко, А.Д. Симукова и др.) активизировались и исследования на Алтае в 1920-е гг.

С. А. Теплоухов (1925), изучая находки из Ноин-Улы, отметил, что мотив борьбы оленя с грифом на ковре имеет аналогии в Катандинском кургане на Алтае, а А.А. Захаров (1926) датировал большой курган в Катанде II в. н.э. (Марсадолов, 1996, с. 19).

Н.Я. Марр (1929) после раскопок кургана Пазырык-1 сравнил новую культуру Алтая со скифской и отнес ее к IV–III вв. до н.э., а В.В. Гольмстен (1933) сравнила золотые бляхи из Сибирской коллекции Петра I с пазырыкскими находками и датировала Пазырык-1 III в. до н.э., а Катанду — I в. до н.э.

С.В. Киселев неоднократно возвращался к датированию больших и малых курганов Алтая в 1930-е гг., но наиболее полно он обосновал даты известных на тот период четырех больших алтайских курганов в книге 1949 г. Он поддержал аналогии вышеуказанных предшественников и использовал новые аналогии с таштыкской культурой на Енисее, с Аму-Дарьинским кладом, Скифией, Китаем и др. Большие курганы Алтая он отнес к «гунно-сарматскому времени» и датировал III–I вв. до н.э., а курган Пазырык-1 — III в. до н.э. (Киселев, 1949, с. 216).

К моменту опубликования в 1949 г. монографии С.В. Киселева С.И. Руденко в 1947–1949 гг. раскопал еще четыре больших кургана в Пазырыке (№2–5) и датировал эти курганы V–IV вв. до н.э. по многочисленным находкам, число которых измерялось сотнями уникальных предметов.

После получения Сталинской премии в переизданной в 1951 г. монографии С.В. Киселев отметил, что материалы новых раскопанных четырех больших курганов в Пазырыке также полностью подтверждают их датировку «гунно-сарматским временем» (Киселев, 1951, с. 392).

Группа московских археологов в 1953–1954 гг. развернула большую дискуссию в разных научных журналах против более ранних датировок курганов Алтая, отстаиваемых ленинградским ученым С.И. Руденко. Среди относительно молодых археологов, поддержавших С.В. Киселева, были К.Ф. Смирнов (1917–1980) и Л.Р. Кызласов (1924–2007), которые занимались изучением памятников других территорий — Поволжья и Хакасии, а также жена Киселева — Л. А. Евтюхова (1954). Л.Р. Кызласов и К.Ф. Смирнов (1954) также отметили, что книга С.И. Руденко 1952 г. «издана небрежно», но с этим не согласилась редколлегия журнала, которая сделала специальное примечание.

В 1953 г. С.И. Руденко опубликовал капитальную монографию «Культура населения Горного Алтая в скифское время», подводящую итоги изучения курганов Пазырыкской группы. Используя метод археологических параллелей со Скифией, Передней Азией и Китаем, он наметил следующую относительную последовательность Пазырыкских курганов: 1-й и 2-й, за ними следуют 3, 4, 6-й и наконец 5-й курганы. В абсолютных датах первые два и, возможно, 5-й курганы он датировал V в. до н.э., а остальные — концом V, вернее IV в. до н.э. (Руденко, 1953, с. 345, 360). Позднее, в 1957 и 1960 гг., москвичи продолжали критиковать С.И. Руденко, а ему приходилось отбиваться от критических замечаний.

Через два года после смерти С.В. Киселева и более детального сравнительного анализа савроматских и пазырыкских материалов К.Ф. Смирнов пришел к «убеждению, что непосредственные исследователи ... Пазырыка С.И. Руденко и М.П. Грязнов ближе к истине. Пазырыкские курганы относятся не к гунно-сарматскому, а к савроматскому времени..., к V–IV векам до н.э.» (Смирнов, 1964, с. 279; 1953).

В 1930–1950-е гг. наметились два основных направления при абсолютном датировании больших Пазырыкских курганов и близких им по времени малых и средних курганов Алтая — «классическое» (опирающееся в основном на работы С.И. Руденко, даты для Пазырыков — V–IV вв. до н.э.) и «омолаживающее» (в основном обоснованное в работах С.В. Киселева, даты для Пазырыков — III в. до н.э. и позднее). Эти два научных направления до настоящего времени имеют своих сторонников и несогласных с ними, что в целом ослабляет дальнейшие пути для уточнения абсолютных дат памятников пазырыкской культуры Алтая (см.: Марсадоллов, 1996; 2017).

Пять основных этапов в экспедиционных исследованиях

Начиная со студенческих лет из лекций и учебников по археологии каждый археолог знает, что многогранный процесс научного экспедиционного изучения археологических объектов и памятников предполагает пять обязательных основных этапов:

- 1) подготовительный;
- 2) полевые работы;
- 3) камеральная обработка материалов;
- 4) процесс основного/кабинетного научного исследования;
- 5) полная публикация результатов работ.

Рассмотрим, как эти обязательные для всех археологов требования были выполнены С.В. Киселевым и С.И. Руденко в ходе их научных исследований, начиная с 1954 г.

Подготовка и раскопки в 1954 г. больших курганов в Салбыке и Туэкта

Салбык. Большие курганы в Салбыкской долине в Хакасии издавна привлекали внимание ученых и любителей истории, начиная с 1739 г. — Г.Ф. Миллера, И.Т. Савенкова и др. (Киселев, 1956; Марсадалов, 2010; и др.). Впервые С.В. Киселев побывал в Салбыкской долине во время археологической разведки в 1930-е гг.

Затем была война, работа Сергея Владимировича над монографией «Древняя история Южной Сибири», которая была опубликована в 1949 г. Работая над этой монографией, он вначале написал, что на Алтае было изучено четыре больших кургана — Берель, Катанда, Шибе и Пазырык-1 (Киселев, 1949, с. 182–216).

В 1947–1950 гг. экспедиция С.И. Руденко раскопала еще пять больших курганов в Пазырыке и Башадаре. В монографиях 1949 и 1951 гг. С.В. Киселев отметил, что к этому времени в Хакасии был изучен только один большой Кара-курген, диаметром до 56 м, высотой до 4 м, раскопанный А. В. Адриановым еще в 1895 г. (Киселев, 1951, с. 64).

В 1954–1956 гг. Хакасская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР из Москвы под руководством С.В. Киселева раскопала Большой Салбыкский курган (далее — БСК), размерами 71×71 м (Киселев, 1956; 2015). В связи с наличием больших финансовых средств, выделенных разными организациями на исследование БСК, экспедицией С.В. Киселева земляная насыпь кургана была полностью скрыта с помощью бульдозера, с последующей зачисткой каменных плит ограды участниками экспедиции. С одной стороны, в археологии Сибири это было первое полное вскрытие насыпи большого кургана, что было значительным научным шагом вперед. С другой стороны, использование бульдозера при раскопках насыпи кургана, внутри стен ограды и при зачистке по 10 см уровня древней дневной поверхности до 60 см способствовало частичной утрате важной научной информации.

В ходе экспедиционных и камеральных работ Л. А. Евтюховой и С.В. Киселевым были выполнены черно-белые чистовые рисунки общего плана кургана, отдельных крупных камней ограды и разрезы земляной насыпи только первых двух лет работы в 1954–1955 гг. для подготовки ежегодных полевых отчетов и для доклада на пленуме ИИМК РАН. Материалы завершающего этапа полевых работ 1956 г. остались только в полевых чертежах, отчете о раскопках и в дневниках, как и зарисовки найденных предметов.

Заслугой С.В. Киселева является и то, что еще в 1956 г. он написал в отчете, что БСК должен быть превращен в музей, и только в 2007 г. такой музейный комплекс был официально открыт.

Туэкта. Впервые раскопки курганов на Туэктинском могильном поле с научной целью были произведены С. М. Сергеевым в 1935 г. В том же 1935 г. по поручению Г.П. Соновского и на средства Государственного музея этнографии А.Т. Кузнецова раскопала в Туэкте еще два кургана, материалы из которых хранятся в Государственном Эрмитаже (Руденко, 1960, с. 96; Марсадалов, 1996, с. 23).

В 1937 г. экспедиция С.В. Киселева раскопала четыре малых кургана (№6, 8, 10, 11) в Туяхте/Туэкте, которые позднее он отнес не к пазырыкской, а к *майэмирской культуре* и датировал V–IV вв. до н.э. (Киселев, 1951, с. 300). Сейчас все археологи счита-

ют, что эти курганы относятся к *пазырыкской культуре* и датируются по-разному — VI или V вв. до н.э.

В 1949 г. экспедиция С.И. Руденко заложила разведочный шурф на самом большом из Туэктинских курганов №1, но только в 1954 г. появилась возможность приступить к раскопкам (Руденко, 1960, с. 96).

В 1954 г. Горно-Алтайская археологическая экспедиция, возглавляемая С.И. Руденко, раскопала у села Туэкта в центральной части Алтая два кургана — большой (№1) и средний (№2). Как и при раскопках других больших курганов Алтая, от края каменной насыпи были проложены широкие раскопы-траншеи, которые захватывали центральные части этих курганов.

Если при раскопках БСК в целом была лучше изучена земляная насыпь и конструкция каменной ограды, то в Туэкте больше внимания было уделено погребальной камере и было обнаружено много нового материала, более раннего, чем в Пазырыке. В Салбыке находок предметов было немного, а из курганов в Пазырыке, Башадаре и Туэкте находки исчислялись не десятками, а сотнями предметов, большинство из которых сохранились в первозданном виде.

Итоги работ С.В. Киселева в Салбыке и С.И. Руденко в Туэкте

За период с 1954 по 1962 г. С.В. Киселев опубликовал около 40 статей (в основном по Монголии, Китаю и бронзовому веку), ни одной работы по Алтаю, тагарской культуре и только одни краткие тезисы первых двух лет раскопок БСК. Не были даже опубликованы результаты завершающих работ в 1956 г., хорошо описанные в итоговом научном отчете о полевых работах за три года на БСК. Следует отметить, что два важных для каждого археолога этапа (4 — процесс основного научного исследования, в том числе и обоснование датировки БСК, и 5 — полной публикации результатов работ по БСК) не нашли отражения при жизни С.В. Киселева и в архивных материалах.

С.И. Руденко за этот же период, с 1954 по 1962 г., опубликовал 23 работы, из них — четыре монографии и 17 статей по археологии скифского времени на Алтае. В 1960 г. (через 6 лет после раскопок) он полностью опубликовал материалы двух больших и двух средних раскопанных в 1950 и 1954 гг. курганов в Башадаре и Туэкте на Алтае. С.И. Руденко наметил следующую хронологическую последовательность курганов: 2-й Башадарский, 1-й и 6-й (раскопанный С.В. Киселевым в 1937 г.) Туэктинские, 2-й Туэктинский — и датировал их серединой VI в. до н.э. (Руденко, 1960, с. 336). Научные исследования С.И. Руденко по археологии и этнографии не были оценены властями, но ученые РГО, где он состоял с 1911 г., в 1965 г. наградили его золотой медалью имени П.П. Семенова (Тян-Шанского).

После опубликования материалов БСК в 2010–2016 гг., куда были включены отчеты экспедиций С.В. Киселева и Л.С. Марсадолова, сразу появились критики — Н.Ю. Кузьмин, И.Л. Кызласов и др.

С.В. Киселев датировал БСК III в. до н.э., и эта дата на века была выбита камнетесами на одной из вертикальных каменных плит входа в курган. У этой даты есть свои сторонники, но в последние десятилетия наблюдается тенденция к удревнению даты для БСК, вплоть до VII в. до н.э. (Марсадолов, 2015б; и др.). Ответ на хронологические изыскания Н.Ю. Кузьмина (2020), который вновь датировал БСК III в. до н.э., уже опу-

бликован (Марсадалов, 2020), поэтому стоит более внимательно проанализировать возражения И.Л. Кызласова из его книги «Древности Хакасии», изданной в 2022 г.

Научный подвиг двух археологов или коллектива археологов на БСК?

При изучении материалов БСК Л.С. Марсадалов отметил, что «*многолетние исследования Большого Салбыкского кургана в 1954–1956 годах Хакасской археологической экспедицией ИИМК АН СССР (Москва) под руководством С.В. Киселева были настоящим научным подвигом дружного коллектива археологов. Большой вклад в изучение Салбыка внесла постоянная спутница в экспедициях и жена С.В. Киселева — археолог Л.А. Евтюхова, сделавшая многие полевые чертежи и фотографии*» (Марсадалов, 2010, с. 5).

И.Л. Кызласову (2022, с. 11) это не понравилось, и он написал: «*Справедливо считать проведенные полевые работы „настоящим научным подвигом“, однако все же не „дружного коллектива археологов“ (Марсадалов, 2010, с. 5; 1915, с. 6; 1916, с. 4), а двух велико-лепных⁸ археологов — С.В. Киселева, и Л.А. Евтюховой, пары исследователей, ведомой Сергеем Владимировичем и надежно профессионально и семейно поддерживающей поймавшей его научное величие Лидией Алексеевной. Собранный на раскопки Салбыкского кургана студенческой молодежи повезло пройти полноценную полевую, академическую и жизненную школу под руководством этих замечательных людей*».

Согласно вышеприведенным ссылкам И.Л. Кызласова еще за 36–37 лет до рождения Л.С. Марсадалова и революций 1917 г. ему в 1915 и 1916 гг. удалось предсказать «научный подвиг» на БСК.

Повезло ли «собранный» молодежи? Да, повезло, но ни один из молодых археологов, участников экспедиции на БСК, никогда далее не решился на раскопки больших курганов в Сибири, в том числе Л.Р. и И.Л. Кызласовы.

Археологи часто приписывают крупные раскопки объектов только одному-двум известным ученым. Правильно ли это? Отчасти правильно, если археолог довел свои большие исследования от подготовки к экспедиции и до полной публикации материалов. Смогли бы Киселев с женой вдвоем во время полевых работ раскопать БСК? Нет, не смогли бы, поэтому им помогала администрация научных институтов Москвы, Абакана, а главное — помогали молодые студенты-археологи и местные рабочие, которые очищали плиты от земли, вели самостоятельные раскопки ряда объектов, полевую документацию и т.д. При поддержке Академии наук СССР и ХакНИИЯЛИ, на средства, специально отпущенные Советом Министров РСФСР, под руководством С.В. Киселева были организованы раскопки Большого Салбыкского кургана. На изучение БСК была выделена огромная сумма денег, на которую можно было бы построить школу.

Сейчас часто можно прочитать в разных изданиях, что И.В. Сталин или Г.К. Жуков выиграли войну 1941–1945 гг. против Германии. Но эта война правильно называется «Великая Отечественная война». В этой кровавой и многотрудной войне *победил многонациональный советский народ* на фронте и в тылу, под руководством правителей, военных, производственников и председателей колхозов.

⁸ Здесь и далее Л.С. Марсадаловым в цитатах выделены полужирным курсивом наиболее важные или спорные места.

Что послужило причиной для изучения Большого Салбыкского кургана в 1954 г.?

Как считает И.Л. Кызласов (2022, с. 11): «*Особый интерес раскопок Большого Салбыкского кургана был сформулирован С.В. Киселевым уже в полевом отчете 1955-го, а затем заявлен в докладе о работах 1954 и 1955 гг. (изданном в тезисах: Киселев, 1956, с. 58) и вновь повторен и в отчете об исследованиях 1956 года: „Они заставляют пересмотреть вопрос об уровне общественного развития тагарских племен, еще недавно рисовавшихся исследователями на уровне ничем не нарушенного первобытнообщинного строя“*».

Это мнение И.Л. Кызласова основывается на его предположениях о появившемся у С.В. Киселева «*особом интересе*» через два года после начала раскопок на БСК? Это итог двух лет работ раскопок на БСК, хотя обычно археологи намечают цели работ еще перед началом раскопок. В отчетах С.В. Киселева только поднят вопрос о более высоком «*уровне общественного развития тагарских племен*», по сравнению с уровнем «*ничем не нарушенного первобытнообщинного строя*».

Хотя И.Л. Кызласов (2022, с. 7) утверждает, что «*Сергея Владимировича интересовала вершина общественного развития древнего мира, выраженная погребальным сооружением неслыханной сложности и мощи*». Сам С.В. Киселев еще до раскопок БСК в двух монографиях считал, что БСК и результаты раскопок А.В. Адрианова Кара-кургана «*позволяют видеть в них нечто более исключительное, чем коллективные погребения сородичей*» (Киселев, 1949, с. 155; 1951, с. 265). Позднее в ходе раскопок БСК С.В. Киселев (1956, с. 56) в тезисах правильно отметил, что БСК являлся «*едва ли не самым крупным ... курганом Саяно-алтайского нагорья*». Известные к середине 1950-х гг. огромные погребальные сооружения, например пирамиды Египта или Южной Америки, были значительно «*сложнее и мощнее*» БСК, что, вероятно, не стал бы отрицать и С.В. Киселев. Даже без раскопок многие археологи видели и ныне видят, что БСК — это курган более высокого социального ранга, чем рядовые тагарские курганы.

Далее И.Л. Кызласов предполагает: «*К этому исследованию ... С.В. Киселева закономерно привели предшествующие двадцатилетние полевые работы, подчиненные единой научной цели: последовательному ретроспективному изучению этапов становления южносибирской государственности. Исследователь начал проникновение в эту тематику в 1936–1939 гг. с раскопок заведомо державных средневековых памятников — Уйбатского и Копенского чаатасов VI–IX вв., продолжил в 1941–1946 гг. изучением дворца гуннского наместника I в. до н.э. на р. Ташебе и завершил в 1954–1956 гг. постижением загадки Большого Салбыкского кургана*».

Это вновь лишь понимание и додумывание И.Л. Кызласова за другого археолога. Ни о какой государственности у «тагарцев» у С.В. Киселева в его работах не упоминается, а удалось ли ему полностью постичь «загадки» БСК, мы так и не узнали из единственных опубликованных тезисов и архивных материалов. Многие важные проблемы БСК так и не были им намечены или осознаны, например астрономический, метрологический, петрографический, колористический, ландшафтный и другие аспекты, заложенные в БСК в древности (Марсадолов, 2009; 2010; и др.).

Был ли С.В. Киселев разочарован результатами раскопок БСК?

Для того чтобы ответить на вопрос, был ли сам С.В. Киселев удовлетворен результатами работ на БСК, как считает И.Л. Кызласов, стоит немного углубиться в изуче-

ние этой проблемы: чего он примерно ожидал и почему не опубликовал результаты своих исследований?

И.Л. Кызласов (2022, с. 14) отметил: *«Жаль, что Сергей Владимирович не успел опубликовать материалы этих раскопок. Упомянутые в отчетах продуманно взятые образцы для разнообразных естественно-научных анализов (почвенных и споро-пыльцевых, древесных и животных, а также костных антропологических), полностью подготовленная для издания детальная графическая и фотографическая документация, имеющаяся в личном архиве ученого, опровергают высказанные в литературе допущения, как и о якобы испытанном исследователем разочаровании из-за малого числа находок (не ради них изначально и осознанно велись многотрудные работы, результаты которых превзошли все ожидания), так и о том, что он „даже не готовил к публикации материалы из Салбыка“ (Марсадолов, 2010, с. 6; 2015а, с. 7; 2016, с. 5). Многие ли археологи так же „бурно, темпераментно“, как С.В. Киселев, обрадовались бы находке каменного жерновка ручной мельницы и „тут же на кургане“ указали на ее связь с появлением классового общества? (Дэвлет, 1976, с. 154; 2016, с. 20)».*

Рассмотрим более подробно эту цитату И.Л. Кызласова. Многие археологи во время полевых работ берут образцы для различных анализов или приглашают в поле специалистов для определения необходимых образцов, взятие же костных материалов является для всех обязательным. Но не только взятие образцов, а их полный анализ и публикация результатов являются главным в таких научных исследованиях.

Все археологи радуются своим археологическим находкам, малым и большим открытиям. Но *уровень эмоций* археологов никто не измерял, а находок предметов при раскопках БСК в 1956 г. было действительно очень мало, что несравнимо с числом предметов из большого Туэктинского кургана. В полевом отчете экспедиции С.В. Киселева за 1956 г. почти целая страница была уделена находке поломанного каменного *«нижнего жерновка ручной мельницы»*, *«засунутого для забутовки щели»* между плитами (Киселев, 2015, с. 14). Поэтому каждый археолог может судить сам о том, *«не ради них изначально и осознанно велись многотрудные работы»* или все же археологи при раскопках БСК ожидали интересных предметных находок?

На протяжении 300 лет раскопок и до современности одним из основных критериев успешных археологических исследований для большинства археологов остается число интересных объектов и находок. Почти каждый археолог мечтает не только раскопать и изучить древний объект, но и найти предметные находки при полевых исследованиях, подтверждающие его научную концепцию. Если археолог удовлетворен результатами своих экспедиционных работ и желает поделиться с коллегами, то он старается обработать полевые материалы и опубликовать их.

Работая над архивными материалами С.В. Киселева о БСК в 1990-е гг., Л.С. Марсадолов (автор этой статьи) впервые соприкоснулся с вопросом: почему в конце 1950-х — начале 1960-х гг. научная книга с полным описанием исследований БСК так и не была написана? Была ли подготовка к публикации материалов БСК для С.В. Киселева научной *«победой»* или его маленькой/большой личной *«трагедией»*, *«разочарованием»*, мы сейчас можем судить с большой долей вероятности только по тому, что два важных для каждого археолога этапа — *детального научного анализа и синтеза*, в том числе и обо-

снование датировки БСК, а также полная публикация результатов работ на БСК почти не нашли отражения в его археологических публикациях.

И.Л. Кызласов уверяет, что С.В. Киселевым была полностью подготовлена «...для издания детальная графическая и фотографическая документация, имеющаяся в личном архиве ученого».

Если вся документация была готова для издания, то почему сам С.В. Киселев или его жена, профессиональный археолог, соавтор раскопок Киселева на БСК, многоуважаемая Лидия Алексеевна Евтюхова (1903–1974) за 18 лет после раскопок не опубликовали ни книги, ни одной статьи по БСК, хотя у них было гораздо больше издательских возможностей, чем у С.И. Руденко?

Почему за 60 лет после раскопок полностью «подготовленная документация» о работе С.В. Киселева на БСК не была опубликована его учениками, которые только после смерти Л. А. Евтюховой брали для своих статей в основном наиболее интересные и важные места из полевых отчетов БСК, но не решились полностью опубликовать материалы по БСК?

Как обстоят дела на самом деле с обширными полевыми материалами по БСК перед их итоговой публикацией, каждый археолог может лично убедиться сам, потому что даже в архиве ИА РАН экспедиционные материалы разрозненны, не систематизированы, половина полевых чертежей не были перерисованы, и сам И.Л. Кызласов, хотя и получал научный грант на их обработку, использовал в своих статьях и книгах только фотографии и рисунки С.В. Киселева, которые легко отсканировать за 1–2 дня, не сделал ни одного чистового полевого чертежа или обобщающей таблицы по БСК.

Важная полевая документация студентов-археологов, вопреки утверждению И.Л. Кызласова, так и не была подготовлена для дальнейшего изучения и публикации, осталась после раскопок в основном только в чертежах на миллиметровке и полевых записях.

Например, на общий незаконченный план БСК 1955 г. не полностью была нанесена деревянная конструкция кургана, раскопанная в 1956 г. Этот незаконченный рисунок С.В. Киселева привел в своей книге И.Л. Кызласов (2022, с. 11, рис. 11). Он не удосужился даже посмотреть полевые чертежи С.В. Киселева и хотя бы оговорить, что это незаконченный рисунок, но описал эту конструкцию вслед за С.В. Киселевым как эстакаду для установки плит ограды, что может быть принято лишь частично на современном уровне знаний о БСК и первоначальной деревянной ограде, предшествующей каменной (сравнить: Марсадолов, 2010, с. 21, рис. 14 и 20).

Более 20 лет, с 1992 по 2016 г. Л.С. Марсадолову потребовалось, чтобы систематизировать, осознать и частично опубликовать обширные архивные материалы экспедиции С.В. Киселева и результаты новых работ эрмитажной экспедиции на БСК. Следует отметить, что Л.С. Марсадолов неоднократно подавал заявки на гранты для обработки и публикации материалов БСК, но никто из экспертов-археологов их не поддержал. Только руководство Государственного Эрмитажа и ХакНИИЛИ (в лице директора В.Н. Тугужековой) поддержали многолетние исследования Л.С. Марсадолова (2010; 2015; 2016) на БСК.

Что бы ни утверждали отдельные археологи, но в реальности много десятилетий в XX в., как и в XIX в., существовало «не афишируемое своеобразное соревнова-

ние» не только между отдельными археологами, но и между научными учреждениями и школами из Москвы, Санкт-Петербурга/Ленинграда и другими научными центрами (Марсадолов, 1996; 2017; 2020). Когда одна сторона начинает выделяться интересными памятниками и находками, то и другая что-то пытается этому противопоставить или опровергнуть основные выводы. Когда попытки одной стороны снова опровергаются более значительными археологическими достижениями другой стороны, то кому-то становится просто «не выгодно» выставлять свои скромные результаты одновременно проведенных, но зрительно менее значимых экспедиционных работ с малым числом находок, что часто замалчивается в научной литературе на длительный срок. Иногда такие непростые научные отношения заканчиваются трагедией для археологов.

Ныне можно только удивляться и ужасаться накалу хорошо известных противоборств выдающихся изобретателей: Т. Эдисона против Н. Теслы о постоянном и переменном токе, Т.Д. Лысенко против Н.И. Вавилова о значении генетики, а также И.В. Сталина против Н.Я. Марра и его последователей по вопросам языкознания.

Более или менее сложные взаимоотношения разных научных школ и отдельных археологов между собой и соблюдение при этом этических норм — это пока слабо проанализированное направление для будущих историографических и археологических исследований. В таких научных работах можно проанализировать отражение в публикациях, архивных материалах, защите диссертаций часто скрытых непростых научных отношений между научными школами и отдельными учеными — Н.И. Веселовским и Н.К. Рерихом, руководством Института востоковедения и Ю.Н. Рерихом, М.П. Грязновым и С.И. Руденко, С.В. Киселевым и В.И. Равдоникасом, Л.С. Клейном и В.И. Равдоникасом, Л.Н. Гумилевым и Ю.В. Бромлеем, Ю.А. Мочановым и А.П. Окладниковым, Л.Р. Кызласовым и Ю.С. Худяковым, А.М. Мандельштамом и А.Д. Грачом, Г.А. Максименковым и Н.Л. Членовой, Н.Л. Членовой против М.П. Грязнова (после смерти) и его учеников, Л.С. Клейном и А.Я. Щетенко, Д.Г. Савиновым и А.Д. Столяром и другими учеными.

Как С.В. Киселев и С.И. Руденко сами относились к научным выводам, находкам и достижениям друг друга — с этой проблемой еще более основательно предстоит разбираться археологам.

Каменоломня для плит БСК

Как известно, в ходе исследований Салбыкской долины С.В. Киселев в 1955 г. нашел древнюю каменоломню в Кызыл-Кая/Хызыл-Хая, из которой брали плиты для ограды БСК, а Л. А. Евтюхова сфотографировала ее общие виды, но в дальнейшем они не стали ее изучать (Киселев, 1956, с. 58; 2015, с. 12; Марсадолов, 2006; 2010; Кызласов, 2022, с. 16–17).

Находка каменоломни — ценное научное открытие С.В. Киселева, но только экспедиция Я.И. Сунчугашева (1926–1996) провела первые раскопки в этой каменоломне в 1986 г., около ряда вертикальных «эстакад-станков» для первичной обработки и погрузки каменных плит. К сожалению, Я.И. Сунчугашев не опубликовал свой отчет о раскопках в каменоломне, а это в 2016 и 2019 гг. сделал Л.С. Марсадолов (Сунчугашев, 2016; Марсадолов, 2019).

И.Л. Кызласов (2022, с. 22) почему-то сделал вывод: *«Рисунки этих сооружений и части добытых на каменоломне блоков были позднее изданы Л.С. Марсадоловым (2010,*

рис. 54, 55)», но этим он показал незнание научной литературы региона, которым он занимается более 50 лет.

Экспедиция Л.С. Марсадолова в 1990-е гг. впервые составила план расположения древних объектов в этой каменоломне, наметила карту пути доставки плит из каменоломни до БСК, сделала новые рисунки эстакад и ряда каменных плит с начальной обработкой, а также реконструкцию процесса добычи, обработки и доставки плит (Марсадолов, 2006; 2010; и др.). В этих работах опубликованы только рисунки и фотографии экспедиции Л.С. Марсадолова, а не Я.И. Сунчугашева.

Л.С. Марсадолов предоставил в 2016 г. в ХакНИИЯЛИ заново сделанные им чистовики текста и новые рисунки с ксерокопий Я.И. Сунчугашева. Текст полевого отчета Я.И. Сунчугашева был опубликован, но запланированные к изданию рисунки из его полевого отчета, как и другие черно-белые рисунки БСК, по финансовым причинам не вошли в общую монографию 2016 г., что хорошо видно по ссылке внизу стр. 51 на рис. 75-Б, хотя в этой книге всего лишь 22 цветных рисунка. Увидев, что рисунки Я.И. Сунчугашева не были опубликованы, Л.С. Марсадолов написал небольшую статью об исследованиях Сунчугашева в Салбыкской долине и опубликовал его рисунки в материалах конференции в Абакане (Марсадолов, 2019).

И.Л. Кызласов (2022, с. 20; 2023, с. 81) высказал свою точку зрения и о том, как каменные плиты перевозились из каменоломни к БСК: *«Не может быть сомнения, что таковыми были крупные и крепкие грузовые сани, влекомые, вероятно, по каткам, волами или быками. Ошибкой было бы думать, что тягловой силой для такой перевозки могли служить лошади. Встречаемое в литературе предположение, что это происходило зимой по льду, надо отвергнуть. На скользкой поверхности многотонный груз становится неуправляемым и особо опасным для сопровождающих»*.

Вероятно, не стоит сразу бросаться такими словами: *«не может быть сомнения...»*, *«ошибкой было бы думать...»* и *«надо отвергнуть»*.

У настоящих исследователей почти всегда есть сомнения. Откуда И.Л. Кызласову без сомнения известно, что у «тагарцев» были *«крупные и крепкие грузовые сани, влекомые, вероятно, по каткам, волами или быками»*?

Л.С. Марсадолов (2006; 2010) не пытался однозначно решить этот сложный вопрос о перевозке больших и малых плит, поэтому он кратко написал — *«тягловой силой»*, без уточнения вида животных. Для наглядности реконструкции этого непростого процесса была взята *небольшая* каменная плита, которую группа людей и их постоянных помощников — коней на деревянных катках *летом* пытаются транспортировать (Марсадолов, 2010, рис. 56).

Где И.Л. Кызласов прочитал, что транспортировка плит *«происходила зимой по льду»*? Почему именно по льду, а не по промерзшей земле?

Работы в каменоломне, вероятно, производились и летом, и зимой. В ходе осмотра каменоломни Л.С. Марсадолов (2010, с. 39) обнаружил земляные подсыпки на горном склоне, которые в древности могли использоваться для спуска плит. По хорошо утрамбованной подсыпке из земли, возможно, с дополнительным накатом из бревен летом еще можно спускать небольшие по размерам плиты, но огромные плиты удобнее спускать со склона и доставлять к БСК, когда земля подмерзнет, что могло значительно

облегчить тяжелые работы. Клинья между плитами, вероятно, можно забивать и летом, и зимой, а потом в заморозки заливать в трещины воду, которая при замерзании расширяется, и это также могло значительно облегчить раскалывание плит на склоне горы и вниз на специальных «эстакадах».

В истории Сибири и России известны примеры, когда меньшие или большие по объему каменные объекты, чем плиты из Салбыка, в основном доставляли на далекие расстояния именно в холодные периоды года. Например, легендарный «Гром-камень» доставили из Лахты для подножья памятника императору Петру I в Санкт-Петербурге («Медного всадника») по специально проложенной *зимней дороге*, промерзшей на 1,5 м, чтобы она смогла выдержать огромный вес гранитного монолита. А при транспортировке знаменитой самой большой в мире Кольванской вазы *зимой* использовали лошадей.

Д.Г. Савинову, который видел другую каменоломню в Хакасии, понравились реконструкции Л.С. Марсадолова и художника В.Р. Войнера процессов добычи, обработки и установки каменных плит на БСК, и он поместил этот рисунок-реконструкцию в 2006 г. на обложку материалов тематической научной конференции «Производственные центры: источники, „дороги“, ареал распространения». Археологи Абакана и Минусинска неоднократно демонстрировали эти реконструкции в видеofilmах и докладах.

Вероятно, только тщательные научные полевые эксперименты, проведенные летом и зимой, помогут приблизиться к осознанию проблем добычи, обработки и транспортировки малых и больших плит от каменоломни к БСК.

Подводя итоги своего осмотра каменоломни, И.Л. Кызласов (2022, с. 23) утверждает, что «никто не оставил ее должного описания». Экспедиции С.В. Киселева, Я.И. Сунчугашева и Л.С. Марсадолова по мере своих возможностей и целей изучали объекты на этой древней каменоломне. Каждая экспедиция сделала то, что было по силам небольшим отрядам, пусть другие исследователи сделают больше и опубликуют свои результаты.

Заключение

У большинства народов мира принято законное этическое правило, закрепленное даже в религиозных учениях: младшие по возрасту должны уважать старших, а старшие по возрасту должны терпеливо и уважительно относиться к младшим, даже если не совпадают их точки зрения по тому или иному вопросу. В археологии это правило иногда не соблюдается, и младший по возрасту (или, наоборот, старший против младшего), но занимающий более высокую должность и имеющий более высокие научные звания, направляет свою критику и своих учеников против старшего, хотя у тех, может быть, более правильные и научно обоснованные выводы по той или иной проблеме. Это проявилось и в 1950-е гг. в научной дискуссии московских археологов — С.В. Киселева и его сторонников (К.Ф. Смирнова и Л.Р. Кызласова, занимающихся другими территориями и временем) против старшего по возрасту ленинградца С.И. Руденко по проблеме датирования объектов пазырыкской культуры Алтая.

Следует отметить, что в ряде статей археологов ранее и сейчас содержатся необоснованные нападки на других археологов по проблемам, которые они могли бы мирно согласовать между собой до того момента, когда научная статья будет сдана в печать.

Раскопки больших курганов в Салбыке и Туэкте, начатые в 1954 г., — это значимые научные достижения экспедиций двух известных археологов России в разных регио-

нах Южной Сибири. Современные археологи уже 70 лет не могут хотя бы с точностью до столетия согласовать единые точки зрения на датировки этих памятников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Гольмстен В. В. Из области культа древней Сибири // Известия ГАИМК. Вып. 100. М. ; Л. : ОГИЗ, 1933. С. 100–124.

Дэвлет М. А. Большой Салбыкский курган — могила племенного вождя // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск : ТГУ, 1976. С. 146–154.

Дэвлет М. А. Большой Салбыкский курган — могила племенного вождя // Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях. Абакан ; Хакасское кн. изд-во, 2016. С. 16–20.

Захаров А. А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки академика В. В. Радлова в 1865 г. // Труды ГИМ. Вып. 1. М. : Гос. ист. музей, 1926. С. 71–106.

Евтюхова Л. А. Рецензия на: С. И. Руденко Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 403 с. // Вопросы истории. 1954. №6. С. 145–150.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА. №9).

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.

Киселев С. В. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. // Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М., 1956. С. 56–58.

Киселев С. В. Отчеты о раскопках Большого Салбыкского кургана за 1954–1956 годы // Отчет об исследовании Большого Салбыкского кургана и его окружения. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (под ред. Л. С. Марсадолова). Вып. 6. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 8–17.

Кузьмин Н. Ю. О новой датировке Большого Салбыкского кургана и хронологии тагарских памятников // Археологические вести. Вып. 26. СПб. : ИИМК РАН, 2020. С. 144–151.

Кызласов И. Л. Древности Хакасии. Исследования Института археологии. М. : ИА РАН, 2022. 108 с.

Кызласов И. Л. Граница древности и средневековья на Среднем Енисее // Ученые записки музея Томская писаница. 2023. №17. С. 74–93.

Кызласов Л. Р., Смирнов К. Ф. Рецензия на: Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 268 с. // Советская археология. Вып. XIX. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 328–335.

Марр Н. Я. К отчету о заграничной командировке (17.III–22.VI. 1929) // Доклады АН СССР. 1929. №17. С. 321–327.

Марсадолов Л. С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб. : Вичи, 1996. 100 с.

Марсадолов Л. С. Древние каменоломни в Центральной Азии // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. СПб. : Электроникс Принт, 2006. С. 179–185.

Марсадалов Л.С. Палеоастрономические, метрологические и религиозные аспекты больших курганов и святилищ Южной Сибири в I тыс. до н.э. // *Астроархеология — естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии*. Красноярск : Город, 2009. С. 59–72.

Марсадалов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан : Хакасское книжное изд-во, 2010. 128 с.

Марсадалов Л.С. История изучения Большого Салбыкского кургана и окружающих его объектов // *Отчет об исследовании Большого Салбыкского кургана и его окружения*. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 6. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015а. С. 6–7.

Марсадалов Л.С. Салбыкский культурно-хронологический этап в истории древней Хакасии // *Теория и практика археологических исследований*. 2015б. №1. С. 9–33.

Марсадалов Л.С. Краткая история исследования памятников в Салбыкской долине // *Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях : коллективная монография / под общ. ред. Л.С. Марсадалова и В.Н. Тугужековой*. Абакан : Хакасское книжное издательство, 2016. С. 4–5.

Марсадалов Л.С. История датирования больших Пазырыкских курганов (сложившиеся направления и научные школы) // *Древности Сибири и Центральной Азии*. №8 (20). Горно-Алтайск : Изд-во Горно-Алтайского ун-та, 2017. С. 88–110.

Марсадалов Л.С. Исследования Я.И. Сунчугашева в Салбыкской долине // *Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий*. Абакан : Хакасское книжное изд-во, 2019. С. 41–44.

Марсадалов Л.С. Об абсолютных датах Большого Салбыкского кургана и салбыкского этапа тагарской культуры (ответ на статью Н.Ю. Кузьмина) // *Археологические вести*. Вып. 30. СПб. : ИИМК РАН, 2020. С. 43–53.

Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 268 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 403 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 360 с.

Смирнов К.Ф. Рецензия на: Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 268 с. // *Вопросы истории*. 1953. №2. С. 119–122.

Смирнов К.Ф. Сарматы. Ранняя история и культура сарматов. М. : Наука, 1964. 381 с.

Сунчугашев Я.И. Каменоломня тагарской культуры Хызыл-Хая // *Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях / ред. Л.С. Марсадалов, В. И. Тугужекова*. Абакан : Хакасское книжное изд-во, 2016. С. 50–51.

Теплоухов С. А. Раскопки курганов в горах Ноин-Улы // *Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова*. Л., 1925. С. 13–22.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

REFERENCES

- Gol'msten V.V. From the Cult of ancient Siberia. In: Izvestia GAIMK. No. 100. Moscow; Leningrad : OGIZ, 1933. Pp. 100–124. (*In Russ.*)
- Devlet M.A. Big Salbyk Barrow — the Grave of a Tribal Leader. In: From the History of Siberia. No. 21. Tomsk : TGU, 1976. Pp. 146–154. (*In Russ.*)
- Devlet M.A. Big Salbyk Barrow — the Grave of a Tribal Leader. In: Big Salbyk Barrow and Archaeological Sites in Its Vicinity. Collective Monograph. Abakan : Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2016. Pp. 16–20. (*In Russ.*)
- Zakharov A.A. Materials on Archaeology of Siberia. Excavations of Academician V.V. Radlov in 1865. In: Proceedings of the State Historic Museum. No. 1. Moscow : Gos. ist. muzej, 1926. Pp. 71–106. (*In Russ.*)
- Evtyukhova L.A. Review of: S.I. Rudenko. Culture of the Population of Altai Mountain in Scythian time. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1953. 403 p. *Voprosy istorii = Questions of History*. 1954;6:145–150. (*In Russ.*)
- Kiselev S.V. Ancient History of Southern Siberia. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1949. 364 p. (MIA. No. 9) (*In Russ.*)
- Kiselev S.V. Ancient History of Southern Siberia. Moscow; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1951. 642 p. (*In Russ.*)
- Kiselev S.V. Research of the Big Salbyk Barrow in 1954 and 1955. In: Abstracts of Reports at the Session of the Department of Historical Sciences and the IIMK Plenum on the Results of Archaeological Research in 1955. Moscow, 1956. Pp. 56–58. (*In Russ.*)
- Kiselev S.V. Reports on Excavations of the Big Salbyk Barrow for 1954–1956. In: Report on the Study of the Big Salbyk Barrow and Its Environment. Materials of the Sayan-Altai Archaeological Expedition of The State Hermitage (edited by L.S. Marsadolov). Issue 6. St. Petersburg : Izd-vo Gos. Ermitazha, 2015. Pp. 8–17. (*In Russ.*)
- Kuz'min N.Yu. On the New Dating of the Big Salbyk Barrow and the Chronology of Tagar Sites. In: Archaeological News. No. 26. St. Petersburg : IIMK RAN, 2020. Pp. 144–151 (*In Russ.*)
- Kyzlasov I.L. Antiquities of Khakassia. Research by the Institute of Archaeology. Moscow : IA RAN, 2022. 108 p. (*In Russ.*)
- Kyzlasov I.L. The Boundary between the Antiquity and the Middle Ages on the Middle Yenisei. *Uchjonye zapiski muzeja Tomskaja pisanica = Scientific notes of the "Tomskaya Pisanitsa" Museum-Reserve*. 2023;17:74–93 (*In Russ.*)
- Kyzlasov L.R., Smirnov K.F. Review on: Rudenko S.I. Altai Mountain Finds and Scythians. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1952. 268 p. In: Soviet Archaeology. Issue XIX. Moscow : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1954. Pp. 328–335. (*In Russ.*)
- Marr N.Ya. To the Overseas Business Trip Report (17.III–22.VI. 1929). *Doklady AN SSSR = Reports of the USSR Academy of Sciences*. 1929;17:321–327. (*In Russ.*)
- Marsadolov L.S. History and Results of the Study of Archaeological Sites of Altai in the 8th–4th Centuries BC (from the origin to the beginning of the 80-s of the 20th century). St. Petersburg : Vichi, 1996. 100 p. (*In Russ.*)
- Marsadolov L.S. Ancient Quarries in Central Asia. In: Production Centers: Sources, "Roads", Distribution Area. St. Petersburg : Eleksis Print, 2006. Pp. 179–185. (*In Russ.*)

Marsadolov L.S. Paleoastronomical, Metrological and Religious Aspects of the Large Barrows and Sanctuaries of Southern Siberia in the 1st Millennium BC. In: *Astroarchaeology is a Natural Scientific Tool for the Knowledge of the Protoscience and Astral Religions of the Priesthood of the Ancient Cultures of Khakassia*. Krasnoyarsk : Gorod, 2009. Pp. 59–72 (*In Russ.*)

Marsadolov L.S. Big Salbyk Barrow in Khakassia Abakan : Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2010. 128 p. (*In Russ.*)

Marsadolov L.S. History of the Study of the Big Salbyk Barrow and Its Surrounding Objects. In: Report on the Study of the Big Salbyk Barrow and Its Environment. Materials of the Sayano-Altai Archaeological Expedition of the State Hermitage. No. 6. St. Petersburg, 2015a. Pp. 6–7. (*In Russ.*)

Marsadolov L.S. Salbyk Cultural and Chronological Stage in the History of Ancient Khakassia. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2015b;1:9–33. (*In Russ.*)

Marsadolov L.S. A Brief History of the Study of the Sites in the Salbyk Valley. In: Big Salbyk Barrow and Archaeological Sites in Its Vicinity. Collective Monograph / Edited by L.S. Marsadolov and V.N. Tuguzhekova. Abakan : Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2016. Pp. 4–5. (*In Russ.*)

Marsadolov L.S. The History of Dating the Large Pazyryk Barrows (established directions and scientific schools). In: *Antiquities of Siberia and Central Asia*. No. 8 (20). Gorno-Altaysk : Izd-vo Gorno-Altajskogo un-ta, 2017. Pp. 88–110. (*In Russ.*)

Marsadolov L.S. Research by Ya. I. Sunchugashev in the Salbyk Valley. In: *Peoples and Cultures of Sayano-Altai and Adjacent Territories*. Abakan : Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2019. Pp. 41–44. (*In Russ.*)

Marsadolov L.S. About the Absolute Dates of the Big Salbyk Barrow and the Salbyk Stage of Tagar Culture (response to the article by N.Yu. Kuz'min. In: *Archaeological News*. No. 30. St. Petersburg : IIMK RAN, 2020. Pp. 43–53. (*In Russ.*)

Rudenko S.I. *Altai Mountain Finds and Scythians*. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1952. 268 p. (*In Russ.*)

Rudenko S.I. *Culture of the Population of Altai Mountain in Scythian Time*. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1953. 403 p. (*In Russ.*)

Rudenko S.I. *Culture of the Population of Central Altai in Scythian Time*. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1960. 360 p. (*In Russ.*)

Smirnov K.F. Review of: Rudenko S.I. *Altai Mountain Finds and Scythians*. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1952. 268 p. *Voprosy istorii = Questions of History*. 1953;2:119–122. (*In Russ.*)

Smirnov K.F. *Savromaty. Early Sarmatian History and Culture*. Moscow : Nauka, 1964. 381 p. (*In Russ.*)

Sunchugashev Ya.I. The Quarry of the Tagar Culture of Khizyl-Khaya. In: Big Salbyk Barrow and Archaeological Sites in Its Vicinity / Ed. by L.S. Marsadolov and V.I. Tuguzhekova. Abakan : Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2016. Pp. 50–51. (*In Russ.*)

Teploukhov S.A. Excavation of Mounds in the Mountains of Noin-Ula. In: Brief Reports of Expeditions to Explore Northern Mongolia in Connection with the Mongol-Tibetan Expedition of P.K. Kozlov. Leningrad, 1925. Pp. 13–22. (*In Russ.*)

Tishkin A.A. Creation of Periodization and Cultural-Chronological Schemes: Historical Experience and Modern Concept of Studying the Ancient and Medieval Peoples of Altai. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. 356 p. (*In Russ.*)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Леонид Сергеевич Марсадолов, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, Россия.

Leonid S. Marsadolov, Doctor of Culturology, Leading Researcher of the Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia of The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia.

*Статья поступила в редакцию 01.02.2024;
одобрена после рецензирования 17.02.2024;
принята к публикации 01.03.2024.
The article was submitted 01.02.2024;
approved after reviewing 17.02.2024;
accepted for publication 01.03.2024.*